

УДК 339(09)+908](571.51)

СИСТЕМА СНАБЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС И ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Л.Е. Мариненко

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

E-mail: velichinskaya.lyudmila@mail.ru

Статья посвящена изучению государственной политики в сфере снабжения сельского населения Сибири в первой половине 1930-х гг. Автор показывает, что система сельского снабжения в первой половине 1930-х гг. являлась инструментом для осуществления политики индустриализации и была подчинена задаче обеспечить для государства стабильное поступление сельскохозяйственной продукции. Специфика снабжения сибирского региона, обусловленная аграрной специализацией, состояла в более низком объеме товарного фонда для населения Сибири в масштабах СССР, что негативно сказывалось на уровне жизни сельских и городских жителей.

Ключевые слова:

Система снабжения, торговля, сибирская деревня.

Key words:

Supply system, trade, Siberian village.

В последние десятилетия в России произошла смена типа экономической системы, на смену плановой экономике пришла смешанная. Изучение истории взаимодействия плановой экономики и рынка в советском государстве представляет актуальным и востребованным для поиска более эффективных форм их развития в настоящее время. В тоже время дискуссионным в исторической науке до сих пор остается вопрос о социальных последствиях политики 1930-х гг.

Тема истории торговли и снабжения в СССР достаточно разносторонне освещена в научной литературе, существуют обобщающие комплексные работы, посвященные истории торговли и снабжения, относящиеся к советскому периоду [1–3]. Однако эти исследования развивались в контексте официальной государственной идеологии и акцентировали внимание на изучении роли коммунистической партии и советского правительства в сфере снабжения населения, при этом критический взгляд на советскую экономику отсутствовал. Выводы о положительной динамике в развитии советской торговли, повышении жизненного уровня трудящихся, качественных изменениях в материально-технической базе торговли зачастую заслоняли в исследованиях этого периода такие системные проблемы советской действительности, как товарный дефицит, голод, существование черного рынка.

В 1980-е гг. начинается новый этап в развитии отечественной исторической науки, в том числе и в изучении системы снабжения. Он характеризуется освобождением от идеологических догм, переосмыслением прошлого России и поиском новых методологических подходов. В это время появились интересные работы, изучающие различные стороны системы снабжения 1930-х гг., в них преобладает критический анализ достижений советского периода. В числе новаторских работ можно отметить исследования Е.А. Осокиной, она впервые вводит в научный оборот уникальные, ранее закрытые материалы Наркомата снабжения. Опираясь на всесто-

ронный анализ социально-экономического развития страны, она выявляет причинно-следственные связи между экономическим курсом правительства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и введением карточной системы в стране, кризисами снабжения, товарным голодом [4]. В последние десятилетия появились исследования О.Г. Алексеева, Л.Е. Мариненко, рассматривающие региональные особенности советского снабжения и торговли в Сибири [5].

Целью данной статьи является изучение официального политического курса советской власти в области снабжения сельского населения сибирского региона и его реализации в первой половине 1930-х гг.

Во второй половине 1920-х гг. население СССР начинает испытывать «товарный голод», что являлось прямым следствием курса правительства по вытеснению частного сектора из советской экономики и мобилизации всех ресурсов страны для нужд индустриализации. Форсированная индустриализация и политика государственных заготовок сельскохозяйственной продукции привели к продовольственному кризису. В условиях острого продовольственного кризиса правительство вынуждено было ввести карточную систему, чтобы организовать стабильное обеспечение продуктами питания и товарами народного потребления той части населения, которая работала на нужды индустриализации, в их числе оказались работники важных промышленных объектов, предприятий, жители городов. В соответствии с экономическим курсом, снабжение населения страны должно было основываться на классово-производственном принципе. В реальности же система снабжения соответствовала этатристической модели стратификации в СССР, когда степень материального благополучия отдельного гражданина зависела от того, какое место он занимает во властно-государственных иерархиях, в том числе военных, политических, производственных. Все прочие критерии имели вторичное значение.

1 января 1929 г. началось нормированное снабжение хлебом населения в Ленинграде, а с марта 1929 г. – в Москве и ряде других городов. Источниковая база исследования не позволяет определить точную дату введения карточной системы в Сибири. Материалы статьи Ф. Рязановского, изданной в 1930 г. в сборнике «Статистика в Сибири», косвенно указывают на начало нормированного снабжения хлебом жителей Сибирского края – начало третьего квартала 1929 г. [6. С. 116]. Заборные книжки (талоны на пайковое снабжение) получили лишь трудящиеся городов, все остальное «нетрудовое» население покупало хлеб по более высокой цене. Перебои в продовольственном снабжении населения привели к тому, что во втором квартале 1929 г. нормированная система распределения была распространена на сахар, а через некоторое время и на другие продукты питания. Постепенно данный принцип снабжения был введен и на промышленные товары. Нормированная продажа товаров осуществлялась по ордерам, талонам заборных книжек.

В январе 1931 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП (б) и Народного Комиссариата снабжения СССР была введена всесоюзная карточная система на основные продукты питания и непродовольственные товары. Было выделено три основных списка и особый список. В особый список попали Москва, Ленинград, Донбасс, Баку, а также предприятия оборонного значения. К первому списку относились предприятия черной и цветной металлургии, химические предприятия, транспорт, а также наиболее важные предприятия остальных отраслей народного хозяйства. Особый и первый списки имели более высокие нормы снабжения по сравнению с другими категориями. В этих списках состояло только 40 % всего снабжаемого контингента страны, но они получали из централизованных фондов 70...80 % товаров, поступавших в продажу. Второй список включал предприятия легкой и пищевой промышленности, промысловой кооперации. Третий список включал население средних и мелких городов и имел более низкие нормы снабжения. Лишь основные продукты питания они получали из централизованных фондов, остальные фонды для них формировались за счет местных резервов. Внутри данных списков выделялись различные нормы снабжения: высшая категория – группа «А», включала индустриальных рабочих, группа «Б» – прочих лиц физического труда. Низшие стандарты пайкового снабжения в списках имели служащие.

Карточной системой в первой половине 1930-х гг. в СССР была охвачена лишь небольшая часть жителей сёл и деревень. Государство смогло организовать стабильное централизованное обеспечение лишь той части сельского населения, которая работала на наиболее важных народнохозяйственных объектах (совхозах, машинно-тракторных станциях, лесозаготовках). Особую группу в иерархии снабжения представляли рабочие совхозов, они на-

ходились на централизованном снабжении и получали свой паек через ОРСы (отделы рабочего снабжения) и ЗРК (закрытые рабочие кооперативы). Основным критерием при определении норм было народнохозяйственное значение каждого отдельного совхоза. Поэтому на фоне всех остальных выделялись лучшими условиями снабжения зерновые совхозы. Твердые нормы пайка для работавших были установлены лишь по хлебу, крупе, сахару, махорке, чаю. Мясом и рыбой снабжались не все. Паек выдавался по нормам рабочих предприятий второго списка. Рабочие МТС также находились на пайковом снабжении и прикреплялись к закрытым рабочим кооперативам [7].

Та часть сельского населения, которая работала на лесозаготовках, получала паек. Постоянный рабочий контингент и крестьяне, приезжающие на лесозаготовки, обеспечивались продуктами из централизованных и местных фондов. Устанавливались 4 категории норм снабжения (трудовых пайков). К первым трем категориям относились рабочие, для которых были установлены нормы выработки, то есть работающие сдельно. Все остальные рабочие, инженерно-технические работники (ИТР) и служащие, а также нетрудоспособные члены их семей относились к группе «А», «Б» или «В» четвертой категории. Нормы снабжения группы «А» приравнивались к 1-й категории, группа «Б» – к 3-й категории. При этом ИТР, служащие и лесная стража были отнесены к 4-й категории группы «А», именно у них были самые высокие нормы пайка. В сутки они получали 750 г муки, 200 г рыбы, 120 г крупы, а также масло, сахар, чай и махорку. Восточная Сибирь в 1930-е гг. являлась регионом постоянной миграции, в том числе и спецпереселенцев. Их труд использовался как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Нормы пайка ссыльных определялись местом их работы. Спецпереселенцы, работавшие в золотодобывающей и лесоперерабатывающей отрасли, получали паек на уровне рабочих данных предприятий. Самые низкие нормы снабжения были установлены для тех, кто работал в сельском хозяйстве. Паек для них предусматривал 17,2 кг муки, 1,5 кг крупы, 2 кг рыбы, 0,8 кг сахара, 0,05 кг чая в квартал. [5. С. 154]. Государство и здесь придерживалось принципа: снабжать в первую очередь тех, кто работает на нужды индустриализации.

Государственный паек полагался также местному руководству и работникам политотделов совхозов и МТС (машинно-тракторных станций), которые пропагандировали официальный политический курс среди населения. Снабжение районных руководителей в условиях карточной системы тоже было строго дифференцированным. Самые высокие нормы – первого списка индустриальных рабочих, получили районные партийные руководители. 28 ноября 1931 г. вышло постановление Народного Комиссариата снабжения СССР «О продовольственном снабжении районных руководящих работников». 5 декабря 1931 г. СНК СССР принял по-

становление «О продовольственном снабжении и лечебной помощи районным руководящим работникам» [5. С. 146]. Был установлен определенный контингент снабжаемых – 20 партийных работников на район (число условно, так как зачастую количество районных партийных работников было больше, но этого Народный Комиссариат снабжения не учитывал). Их снабжение производилось в специальных закрытых распределителях, так называемых «двадцатках». Товары и продукты им отпускались по городским кооперативным ценам. В октябре 1933 г. эти нормы были следующие: хлеба на главу семьи в день полагалось 800 г, на каждого члена семьи – 400 г, рыбы – 2 кг в месяц, сахара – 1,5 кг, мыла хозяйственного – 500 г, кондитерских изделий – 2 кг на главу семьи и 1 кг – на каждого члена семьи. Кроме того, из урожая текущего года было распределено картофеля и овощей по 1 центнеру на главу семьи [8]. Хуже снабжалось сельское руководство. Обеспечение секретарей и председателей сельсоветов шло за счет колхозных ресурсов, для их снабжения производилось двухпроцентное начисление на хлебопоставки. В Восточно-Сибирском крае данная группа населения снабжалась через сельпо (сельское потребительское общество), норма снабжения в начале 1930-х гг. составляла 6 кг муки в месяц на человека [8].

Самые высокие нормы снабжения имели работники политотделов совхозов и МТС. Работники политотделов, являясь опорой советской власти в деревне, снабжались по нормам красноармейского пайка, который был выше, чем нормы других списков. Паек эта группа населения получала через закрытые распределители – «двадцатки». В 1930 г. красноармейский паек предусматривал выдачу в сутки 1 кг хлеба, 150 г крупы, 750 г овощей, 250 г мяса, 50 г жиров и 35 г сахара. К числу военных потребителей относилась и милиция. Нормы снабжения ее сотрудников зависели от того, где они работали. Если это был индустриальный центр, то милиция получала паек по нормам рабочих этого центра. Соответственно сельской милиции в этой иерархии выделялся паек по самым низким нормам рабочих третьего или второго списка [5. С. 148].

На централизованном снабжении состояли и те слои населения, которые были опорой советской власти в деревне: бывшие партизаны и бедняцко-батрацкие элементы. Паек также выделялся сельской интеллигенции. Если сельские специалисты работали при колхозах и совхозах, то они получали паек из их скудных фондов по нормам второго списка группы «Б». Если же они не принадлежали к вышеуказанным организациям, то снабжение продуктами этой категории населения по нормам рабочих третьего списка брало на себя государство. Промышленные товары выделялись им по нормам рабочих данного региона [5. С. 150]. Устойчивой тенденцией в Сибири, как и в целом по стране, стало невыполнение норм пайкового снабжения в силу недостаточности как местных, так и центральных товарных фондов для постоянно увеличива-

ющегося контингента тарифицированного населения. Таким образом, очевидно, что пайковые нормы обеспечивали лишь физиологическое существование населения, а отнюдь не разнообразное и высококалорийное питание.

Остальное сельское население, не охваченное карточной системой, должно было обеспечивать себя продуктами питания за счет собственных ресурсов. Сплошная коллективизация позволила быстро перераспределить средства из аграрного сектора в промышленный. В этих условиях система снабжения сельского населения должна была подстегивать ход коллективизации и гарантировать стабильное поступление сельскохозяйственной продукции государству. Методы государственных заготовок продукции в деревне были направлены на получение необходимого количества сельскохозяйственной продукции при минимальной отдаче со стороны государства. Контракция, обязательные поставки государству сельскохозяйственной продукции, натуроплата МТС обеспечивали стране необходимое количество продовольствия и сырья.

В конце 1920-х гг. стал широко применяться метод контракции, при котором сельское население брало на себя определенные обязательства по поставке продукции государству, а оно, в свою очередь, снабжало крестьян промтоварами. Государство бронировало товарные фонды для слатчиков сельскохозяйственной продукции. В условиях, когда советское правительство разрешило колхозную торговлю, стало очевидно, что крестьянам более выгодно продавать свою продукцию на рынке, нежели сдавать ее по более низким ценам государству. В связи с этим контракция была заменена системой обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции. Государственные заготовки оставляли сельскому населению ничтожную часть продукции для собственного потребления.

Государство покупало сельскохозяйственную продукцию у сельского населения по низким заготовительным ценам, а товары в деревню направляло по высоким коммерческим ценам. За 1931–1934 гг. были увеличены цены для сельских поселений в СССР на отдельные виды товаров, в том числе хлопчатобумажные ткани – на 28 %, шерстяные ткани – на 77 %, швейные изделия – на 22 %, трикотаж – на 22 %, обувь – на 7 %, нитки – на 21 % [2. С. 189]. Торговые надбавки на товары, направляемые в город и село, были разными, последние были выше городских в 1931 г. от 3 до 50 % [9. С. 45]. И данный дисбаланс лишь увеличивался в период карточной системы. В условиях, когда поток товаров в деревню был нерегулярным и меньшим по сравнению с городом и важнейшими промышленными объектами, изъять денежные средства у сельского населения можно было за счет высоких цен. В противном случае деньги оседали бы у крестьян, а не шли в оборот, что могло оказать негативное влияние на процесс пополнения государственного бюджета. Аграрная политика партии была рассчитана на быструю перекачку средств из

фонда потребления села в фонд промышленного накопления.

После сдачи сельскохозяйственной продукции государству, формирования необходимых семенных запасов из небольшой оставшейся части урожая создавались колхозные фонды. Из них, на основании выработанных трудодней, распределялись между колхозниками оставшаяся продукция и деньги, полученные от государства. Благодаря такому остаточному принципу доходы колхозников, которые складывались на основе вышеуказанного источника, были невелики. Голодная жизнь и товарный дефицит были следствием аграрной политики власти. Продовольственные трудности давали о себе знать в восточносибирском регионе на протяжении 1930-х гг., подтверждением тому является постоянный поток жалоб сельского населения. Одним из последствий аграрной политики было снижение уровня потребления продуктов питания у сельского населения в начале 1930-х гг. [5. С. 158–159].

Основным источником дохода сельского населения являлось личное подсобное хозяйство и колхозная торговля. Советское правительство в целях насыщения потребительского рынка сельскохозяйственной продукцией и создания материальной заинтересованности крестьян в расширении сельскохозяйственного производства выпустило в мае 1932 г. постановление «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами». Постановление отменяло все существующие республиканские и местные налоги с торговли колхозов, колхозников и единоличников. Колхозная торговля должна была осуществляться по свободно складывавшимся на рынке ценам. Доходы от торговли колхозов и колхозников не облагались налогом, а единоличники должны были уплатить 30 % от полученной прибыли [5. С. 159]. В целом по стране цены колхозных рынков превышали государственные закупочные по зерновым культурам в 30 раз, а по продуктам животноводства — в 6–10 раз [1. С. 96–97]. Крестьянам было выгоднее продавать свою продукцию на рынке. Чтобы избежать сокращения государственных заготовок, правительство ввело ограничение: крестьяне могли продавать свою продукцию на колхозном рынке лишь после выполнения плана обязательных поставок государству.

Доходы крестьян от колхозного рынка в первой половине 1930-х гг. постоянно росли. Особенно высокие темпы роста наблюдались после 1932 г., когда доля прибыли от колхозного рынка доходила почти до 70 % совокупного дохода крестьянской семьи. Такой уровень стал возможен благодаря высоким ценам на продукты питания на рынке в условиях продовольственных трудностей и недостаточного объема централизованных товарных фондов. Для жителей городов и рабочих поселков колхозный рынок являлся необходимым дополнением к минимальному пайковому снабжению.

К середине 1930-х гг. эта статья доходов сократилась до 46 % [10. С. 343], что было обусловлено переходом к «свободной» торговле, увеличением рыночных товарных фондов и введением единых розничных цен. Специфической особенностью колхозной торговли Сибири был более высокий уровень цен на продукты питания. Такой уровень цен был обусловлен тем, что в силу аграрной специфики региона объем централизованных товарных фондов продуктов питания здесь был значительно ниже, чем в крупных промышленных районах. Поэтому и потребность в продуктах жителей городов и рабочих поселков в большей степени, чем в других районах СССР, покрывалась за счет колхозного рынка. Это позволяло сохранять высокие цены на сельскохозяйственную продукцию колхозного рынка. В этой связи интерес представляет мнение З.К. Звездина, который на основе исследования денежных доходов и расходов сельского населения страны в 1931–1932 гг. сделал вывод, что в структуре денежных доходов крестьян преобладали два вида доходов — от неземледельческих занятий и от продажи продуктов на рынках по высоким ценам. Уровень денежных доходов отдельных деревень зависел от степени приближенности их к городскому рынку [11. С. 325]. Его мнение подтверждают данные о том, что в 1933 г. колхозы и колхозники в СССР получили от продажи на базарах собственной продукции прибыль на сумму 10 млн р., в 1934 г. — 14 млн р., а в 1935 г. — 16 млн р. [10. С. 20].

Покупательная способность сельского населения Сибири росла, например, в Красноярском округе в 1932–1933 гг. по сравнению с 1927–1928 гг. она выросла в основном за счет доходов от колхозной торговли с 14,3 до 55,5 млн р. [12]. Но доходы сельского населения росли быстрее, чем товарные ресурсы, направляемые в деревню. Именно благодаря высоким прибылям от колхозного рынка сельское население могло приобретать промышленные товары в городских коммерческих магазинах и на рынке, при отсутствии таковых в сельской торговой сети. Если рассмотреть структуру расходов сельского населения СССР на приобретение продуктов питания и промышленных товаров, то в 1930–1932 гг. удельный вес расходов на промышленные товары в ней составил около 40...50 %, причем значительная часть покупок была совершена на рынке, что свидетельствует о товарном дефиците в государственной торговой сети. Удельный вес покупок крестьян в государственной и кооперативной торговле составлял всего около 25 % [5. С. 161].

В условиях продовольственного и товарного кризиса 1930-х гг. зависимость сибирского региона от централизованных товарных фондов была сильной, объем поступления продуктов питания и промышленных товаров из центра определял и уровень обеспеченности населения Сибири необходимыми товарами. Распределение товарной массы между регионами СССР зависело от народнохозяйственного значения каждого района и его вклада в процесс индустриализации. Товарооборот

сельской местности складывался из двух элементов. Первая часть товарных фондов имела целевое назначение (например, для отоваривания заготовок сельскохозяйственной продукции, рыбы, леса). Данные товары поступали в деревню в зависимости от выполнения трудящимися государственных планов заготовок. Доля целевых фондов была велика, в 1933 г. их удельный вес составил 40 % всего сельского фонда планируемых товаров в СССР. Вторую часть составляли товарные ресурсы, которые направлялись в сельскую торговую сеть, и не зависели от выполнения жителями села планов по заготовке различных видов продукции.

В основе снабжения сельского населения лежал принцип стимулирования государственных заготовок. Создавались специальные товарные фонды, которые поступали в сельскую местность в период уборочной кампании. Не случайно основная масса товаров в сельские поселения поступала преимущественно в третьем—четвертом квартале, когда можно было судить об итогах выполнения плановых обязательств. Объем товарных фондов, направляемых в деревню, зависел от значения каждого отдельного района в хлебозаготовительной кампании и от выполнения колхозниками плана государственных заготовок продукции. Сибирь находилась на одном из последних мест по объему централизованных товарных фондов, направляемых в сельскую местность с целью стимулирования хлебозаготовительной кампании [13]. При выполнении плана хлебозаготовок производилось премирование сельского населения. Колхозы за каждый пуд сданного хлеба получали товаров на 35 копеек, индивидуальные хозяйства — на 30 копеек. В случае перевыполнения плана, установленного государством, крестьяне получали за каждый пуд сданного сверх нормы хлеба на 40 копеек товаров [13]. Для сравнения, в первой половине 1930-х гг. в Восточной Сибири средняя цена на шапку-ушанку в розничной торговой сети была от 12 до 20 р. [14]. Это значит, чтобы заработать деньги на покупку шапки единоличник должен был сдать государству около 66 пудов хлеба.

Количество направляемых товаров в сельские поселения отнюдь не зависело от численности населения определенных районов или потребности их в промышленных товарах, в расчет брался лишь факт выполнения ими плана хлебозаготовок. В случае невыполнения взятых обязательств колхозниками руководство вовсе не направляло в этот район товары. В красноярских и иркутских архивах находится огромное количество директив центрального и местного руководства категорически запрещавших заранее отправлять товары крестьянам в счет будущего урожая.

Государство бронировало специальные товарные фонды для сельского населения, которое производило различные виды заготовок. Так, постановлением Народного Комиссариата снабжения РСФСР от 8 октября 1931 г. давалось указание ГОРТу (государственное объединение розничной

торговли) с 15 ноября текущего года открыть при заготовительных пунктах, складах и базах отраслевых объединений Наркомата снабжения 600—700 торговых лавок по областям, краям, республикам. Через эти лавки происходила продажа промтоваров, выделенных для стимулирования заготовок скота, птицы, яиц, молока и масла. И здесь распределение промтоваров среди крестьян осуществлялось в соответствии с классовой линией. В начале 1930-х гг. колхозники, производившие заготовку сельскохозяйственных продуктов и сырья, могли получить товаров на 30...40 % от полученной суммы, а единоличники — на 25...30 % [9. С. 45]. В Красноярском округе в 1930 г. нормы выдачи товаров были следующими: при сдаче шерсти, молока, льна и пеньки товары выдавались в размере 30 % от полученной сдачиками суммы, яиц — 20 %, утильсырья, щетины, волоса — 15 % [15]. В условиях товарного дефицита жители деревни готовы были сдавать продукцию государству при условии наличия необходимых промтоваров. Крестьяне предпочитали подобный товарный обмен, зная из собственного практического опыта, что наличие денег еще не гарантирует покупку необходимой продукции. Но зачастую дефицитные товары отсутствовали в сельской торговой сети, а обменивать продукцию на товарные квитанции или обещания сельское население не хотело.

Из-за остаточного принципа формирования сельских товарных фондов размер товарооборота города и села значительно отличался. Вопреки тому, что сельское население по своей численности в РСФСР почти в три раза превосходило городское, меньшая доля промтоваров и продуктов направлялась в деревню. Соотношение городского и сельского товарооборота государственной и кооперативной торговли в начале 1930-х гг. было следующим: розничный товароборот, включая общественное питание, в расчете на душу сельского и городского населения определялся соответственно соотношением 1:7 [16. С. 460].

Таким образом, можно сделать вывод, что система снабжения сельского населения в первой половине 1930-х гг. была подчинена курсу форсированной индустриализации и сплошной коллективизации. Политика партии была направлена на то, чтобы в короткие сроки добиться перераспределения средств из аграрного сектора в промышленный. Система снабжения в первой половине 1930-х гг. являлась инструментом для реализации курса индустриализации и должна была обеспечивать государству стабильное поступление сельскохозяйственной продукции.

Благодаря такой системе снабжения удалось добиться быстрой перекачки средств из фонда потребления населения в фонд промышленного накопления. Государство, направляя все ресурсы на нужды индустриализации, не могло обеспечить в полном объеме промышленными товарами и продуктами питания жителей городских и сельских поселений. Сельские поселения снабжались по ос-

точному принципу. Государственное снабжение основной массы сельского населения было лишь дополнением к принципу самоснабжения деревни. Крестьяне выживали за счет личного подсобного хозяйства, колхозной торговли, неземледельческих видов доходов. Денежная масса, находившаяся на руках у сельского населения, превышала возможность ее товарного покрытия. Поэтому одним из методов советской торговли было создание искусственно завышенных цен на товары для сельских жителей, что способствовало изъятию скопившихся у них денежных средств и пополнению государственного бюджета. Сибирский регион относился

к районам аграрной специализации, в связи с чем он получал меньший объем товарных фондов в сравнении с другими районами, что, на фоне крайне жесткой аграрной политики, привело к снижению объема потребления продуктов питания и следовательно уровня жизни у сельского населения.

Крайне скудное и неравномерное снабжение сельского населения формировало в крестьянской среде мнение о невозможности изменить свое материальное положение в деревне, не формировало заинтересованности в результатах своего труда. Поэтому крестьяне бежали от земли, в поисках лучшей жизни, в города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. – М.: Наука, 1965. – 402 с.
2. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). – М.: Мысль, 1964. – 439 с.
3. Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1964. – 396 с.
4. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М.: РОССПЭН, 2008. – 351 с.
5. Очерки истории торговли в Восточной Сибири в XIX–XX вв. / О.Г. Алексеев, Л.Е. Мариненко и др. – Красноярск: Краснояр. Гос. торг.-экон. ин-т, 2011. – 228 с.
6. Рязановский Ф. Новые веса в индексе розничных цен // Статистика Сибири. Вып. 2. – Новосибирск: Издание статистического сектора Крайплана, 1930. – 184 с.
7. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 5240. Оп. 9. Д. 490. Л. 112.
8. ЦДНИ ИО (Центр документов новейшей истории Иркутской области). Ф. 123. Оп. 1. Д. 456. Л. 84.
9. Осокина Е.А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. – М.: Изд-во МГОУ, 1993. – 144 с.
10. Крестьянство Сибири в период строительства социализма, 1917–1937 гг. / под ред. Н.Я. Гушина, Л.М. Горюшкина, В.Т. Агалакова. – Новосибирск: Наука, 1983. – 388 с.
11. Звездин З.К. Материальные обследования денежных доходов и расходов сельского населения в 1931–1932 гг. // Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. – М.: Наука, 1968. – С. 319–339.
12. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 1301. Оп. 1. Д. 18. Л. 69.
13. РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 493. Л. 13.
14. ГАКК. Ф. 1301. Оп. 1. Д. 18. Л. 69.
15. Дефицитные товары сдатчикам шерсти, молока, яиц, льна и пеньки // Красноярский рабочий. – 1930, 10 августа. – № 177. – С. 4.
16. История социалистической экономики СССР: в 7-ми т. Т. 3. Создание фундамента социалистической экономики в СССР, 1926–1932 гг. / под ред. И.А. Гладкова, А.Д. Курского, А.И. Косого. – М.: Наука, 1977. – 535 с.

Поступила 06.03.2012 г.